

Н. Г. Шаймердинова¹

ОСОБЕННОСТИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО КОЙНЕ

В современной тюркологии статус языка рунических письменных памятников (орхонских, енисейских, таласских) вызывает неоднозначные суждения. В. В. Радлов, один из первых исследователей этих памятников, отмечал, что древнетюркский язык состоит из трех диалектов: наречия северных тюрков-сиров, говор южных тюрков-уйгуров и смешанный северо-южный диалект [1]. Некоторые другие тюркологи относят рунические тексты либо к огузскому, либо к турфанскому, либо к уйгурскому диалектам.

В то же время ряд исследователей язык древнетюркских рунических памятников характеризуют в большей степени как стандартный литературный язык, нежели та или иная диалектная форма, что подтверждается следующими высказываниями: «общий письменный литературный язык древнетюркского общества», «рунический литературный язык», «стандартный язык официального повествования», «тюркское руническое койне», «эпитафийные надписи на камнях» (Л. Р. Кызласов, С. Е. Малов, И. В. Кормушин, Э. Р. Тенишев).

Высказывая свою точку зрения по поводу вышеприведенных суждений, Э. Р. Тенишев отмечал: «...есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан свой вариант обобщенной речи, стоящий над диалектами, которым могли пользоваться в устно-поэтической практике, во время публичных выступлений и обрядовых действий» [2, с. 178]. С появлением у тюрков рунического письма устное койне оформилось в стройную литературную норму, получившую общественное признание и распространение в древнетюркском государстве. «В VII–VIII веках языком рунических надписей как единым литературным стандартом пользовались различные тюркские племена или союзы племен — огузы, уйгуры, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения: у огузов и кипчаков это были j-языки (ajag, goj-), у уйгуров d-язык (adag, god), у киргизов — z-язык (azag, goz)» [2, с. 179].

Изучение подлинников рунических текстов, их чтение, анализ, перевод, работа над языковой системой позволяют нам разделять точку зрения Э. Р. Тенишева и других ученых и считать, что язык таласских, енисейских, орхонских, турфанских и других рунических памятников является стандартной формой древнетюркского языка, руническим койне той дальней эпохи. Все это подтверждается высокой лексикой и стилем памятников, их художественностью, эмоционально-экспрессивной окрашенностью слов и выражений, многообразием сравнений, метафор, гипербол и других художественных тропов. В текстах памятников часто используются присущие литературному языку [3, с. 90]:

¹ Профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов», «Репрезентация в языке древнетюркской картины мира», «Когнитивные модели древнетюркских текстов в русских переводах» и др.

— ораторские формулы: «...Став каганом, я поднял немущий, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в этой моей речи?» [4, с. 264]. «Я, тюрк Бильге-каган, нынче сел на престол»; «О! Вы, тюркские, огузские беки и народ, слушайте! Если Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубил твоё государство, твою власть! Объединяйтесь!» [4, с. 268];

— обращения: «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство, здесь высек. Как, заблуждаясь, вы распадаетесь, тоже вырезал на этом камне...» [4, с. 265];

— риторические вопросы: «Был народ, у которого было государство. Где государство это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» [4, с. 186]. Или: «Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя?», «Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя?»;

— высокая лексика: «Небоподобный, неборожденный (собств. “на небе” или “из неба возникший”) тюркский каган, я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мной мои младшие родичи и молодежь; (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и ана, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказы, (вы) тридцать; благородные герои, царствует тюркский каган, роскошные дары, сладкие речи, возвысившийся, лукавый, престол» и т. д. [5, с. 37–40].

Язык орхонских надписей отличается особой стилизацией, которую обобщенно можно представить как:

— повторяемость слов и выражений в особой рифмованной тональности («имевших колени заставил преклонить колени, имевших головы заставил склонить головы», «вперед — на восток, назад — запад; справа, в стране полуденной, слева, в стране полуночной», «истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались обману»). Частотность рифмо-поэтической тональности текстов позволяет некоторым исследователям толковать их как поэзию древних тюрков (И. В. Стеблева, М. Жолдасбеков);

— тексты памятников насыщены эмоционально-экспрессивными метафорами, сравнениями, эпитетами, которые, с одной стороны, раскрывают эмоционально-образный характер мышления древних тюрков, с другой — демонстрируют богатство, красочность, высокую художественность древнетюркского языка: «Войско торгошского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря», «Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали как горы», «На другой день они пришли, пламенея, как пожар», «...Я проливал свою красную кровь, стекал (лился) мой черный пот» (орхонские тексты) [4].

Эмоциональным построением текста, художественными тропами насыщены енисейские и другие рунические тексты: «Золотой колчан, мой — я разлучился

с тобой», «Печаль из печалей — вы отделились [от нас], о горе», «Вы, Тириг-бек [были] словно клыкастый вепрь», «Жаль, моя земля, моя священная земля, — о жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о жаль! Моя... земля» (енисейские памятники) [6].

«Моя маленькая жена осталась вдовой, мой сын полненький малыш», «У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волов», «Развей мою печаль», «Кара-Чур — меткий стрелок (по прозвищу) Кол-Кар — Ямаз (букв. "Рука — не Промахнется")» (таласские памятники) [7].

Язык отражает реалии действительности. Возникновение, совершенствование и распространение тюркской руники связаны с развитием культуры и укреплением государственности в Центральной Азии, существенными социальными, политическими, экономическими изменениями в жизни кочевых народов. Формирование письменности для того времени есть важный признак развития тюркских сильных государств, тюркской цивилизации. Руническая письменность в период ее расцвета получила широкое распространение на огромной территории: от Восточного Туркестана на востоке до Дуная на западе, от Таймыра на севере до Ферганской долины на юге. Социально-культурное развитие степной цивилизации, развитие торговых путей, Шелкового пути, памятные исторические события, хроника походов и сражений как важные вехи жизни кочевых и оседлых народов были основой для широкого распространения письменности, грамотности народов евразийского пространства. Древнетюркский язык был языком повседневной жизни, обыденной коммуникации между этносами и народами, языком государственного обустройства, использовался для различения титулов и званий, издания указов и распоряжений каганов и ханов.

Другой причиной распространения письменности являются религиозные взгляды тюркских этносов и народов. В эпоху тюркских каганатов в Центральную Азию активно проникают различные религиозные формы — манихейство, буддизм и христианство, которые продолжали сосуществовать с тенгрианством, шаманизмом. В жизни древних государств и народов духовные начала, религиозные формы были основной идеологией жизни и управления народами. Для широкого распространения манихейства и буддизма тюркские миссионеры оставляли свои надписи-призывы, многочисленные письменные отметки о молениях, свершенных у скал; были записаны также покаяния и мольбы верующих, многочисленные другие религиозные надписи. Эти надписи встречаются на камнях и урочищах Южной Сибири, Саяно-Алтая, Северо-Западной и Центральной Монголии, Прииртышья. Например, надписи-призывы религиозных проповедников к верующим: (e)gi «Очистись (искупи грехи)», Яблык-Таш XI; bít (e)gi «Уверуй и очистись (искупи грехи)», Яблык-Таш XVI; (e)g (a)ti t(e)k (ä)š { ä } «Его имя мужа-эра — Текеш» (освободи его от греха), Казахстан, Жаксылыксай I [8, с. 68].

На древнетюркский рунический язык переводились манихейские, буддийские и другие религиозные

тексты, что также способствовало пространственно-временному распространению рунической письменности. Таким образом, социально-исторические, культурные, религиозные аспекты являются причиной образованности, грамотности не только отдельных знатных лиц, но и широкого круга людей.

В качестве одного из примеров можно назвать краткую наскальную надпись, обнаруженную в 1985 году археологом А. Е. Рогожинским в Восточном Казахстане, в урочище Койтубек, в юго-восточных отрогах Курчумского хребта. И. Л. Кызласов прочитал рунический текст, определил палеографическую принадлежность и историко-культурное значение надписи. Текст надписи сводится к следующему: us(i)kl(i)g { ä } (a)jurtim «Я велел изъясняться письменно» [8, с. 65]. По стилю словаря данная надпись относится к высокохудожественному литературному языку: «велел», «изъясняться», «письменно». Императив (повеление, приказ), содержащийся в слове «велел», означает приказ человека, наделенного властью; слово «изъясняться» предполагает — рассказать, точнее, описать какое-то произошедшее событие. Наречие «письменно» означает: субъект действия хорошо осведомлен об образованности и грамотности адресата, так как просит оповещать его в письменной форме. Все содержание предложения содержит важную информацию о достаточной грамотности населения, потому что такие надписи были не единичны и нашли широкое распространение в Евразийском ареале.

Древнетюркская руническая письменность — феномен, развивавшийся на протяжении многих сотен веков, не случайно в селегинском памятнике рунические надписи называются «тысячелетними и бесчислодневными». Временные границы рунической письменности — начало и конец (*terminus ad quem terminus ad quo*) — до сих пор не нашли четкого определения. Протоисток руны и руноподобных знаков восходят к скифо-сакской культуре и эпохе гуннов, о чем свидетельствуют надписи на «оленных камнях» Тувы, «Памятная скала» Сулекской писаницы, надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана Казахстана, резы на костяной бляхе в Иртышском кургане Павлодарской области Казахстана и многие другие факты, установленные археологами.

Несомненно, расцвет рунической письменности приходится на V–X века. В этот период функционируют три варианта рунического письма — енисейская, таласская и орхонская. В современной тюркологии нет единого мнения о хронологии их появления. П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, И. Л. Кызласов наиболее древним типом рунического письма считают енисейские руны. По мнению В. В. Радлова, знаки онгинского памятника представляют начальный, наиболее древний этап развития рунической письменности, так как в памятнике не различаются твердоядные и мягкоядные согласные, наблюдается своеобразие графем, непохожи геометрические начертания знаков [1, с. 44]. В то же время другие орхонские надписи называются классическими рунами, представляют собой стройную, упорядоченную систему звуков, в которой определена система гласных фонем, а большинство согласных

различаются по признаку твердости и мягкости. Язык этих памятников характеризуется как стандартный литературный язык, древнетюркский рунический койне.

Широкое проникновение в степную Евразию различных религиозных форм (IX–X вв.) манихейства, буддизма, ислама, христианства несторианского толка, а также распространенные с этими формами религиозные тексты послужили началом вытеснения рунической письменности манихейской, уйгурской, арабской графиками. По некоторым данным исследователей, следы рунической графики протянулись вплоть до XIII века.

Литература

1. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам / В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб., 1897. — Т. IV.
2. Тенишев Э. Р. Избранные труды : в 2 кн. / Э. Р. Тенишев. — Уфа, 2006. — Кн. 1.

3. Шаймердинова Н. Г. Рунический литературный язык орхонских памятников Средневековья / Н. Г. Шаймердинова // VI International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism Medieval Literary Processes. Georgia, Europe, Asia. — Tbilisi, 2012.

4. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников / М. Жолдасбеков, К. Сарткожаулы ; пер. М. Жолдасбекова, Н. Шаймердиновой [и др.]. — Астана, 2006.

5. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. — М. ; Л., 1951.

6. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И. В. Кормушин. — М., 1997.

7. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма / А. С. Аманжолов. — Алматы, 2003.

8. Кызласов И. Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы / И. Л. Кызласов // Российская тюркология. — 2011. — № 2(5).

9. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина / П. М. Мелиоранский. — СПб., 1899.